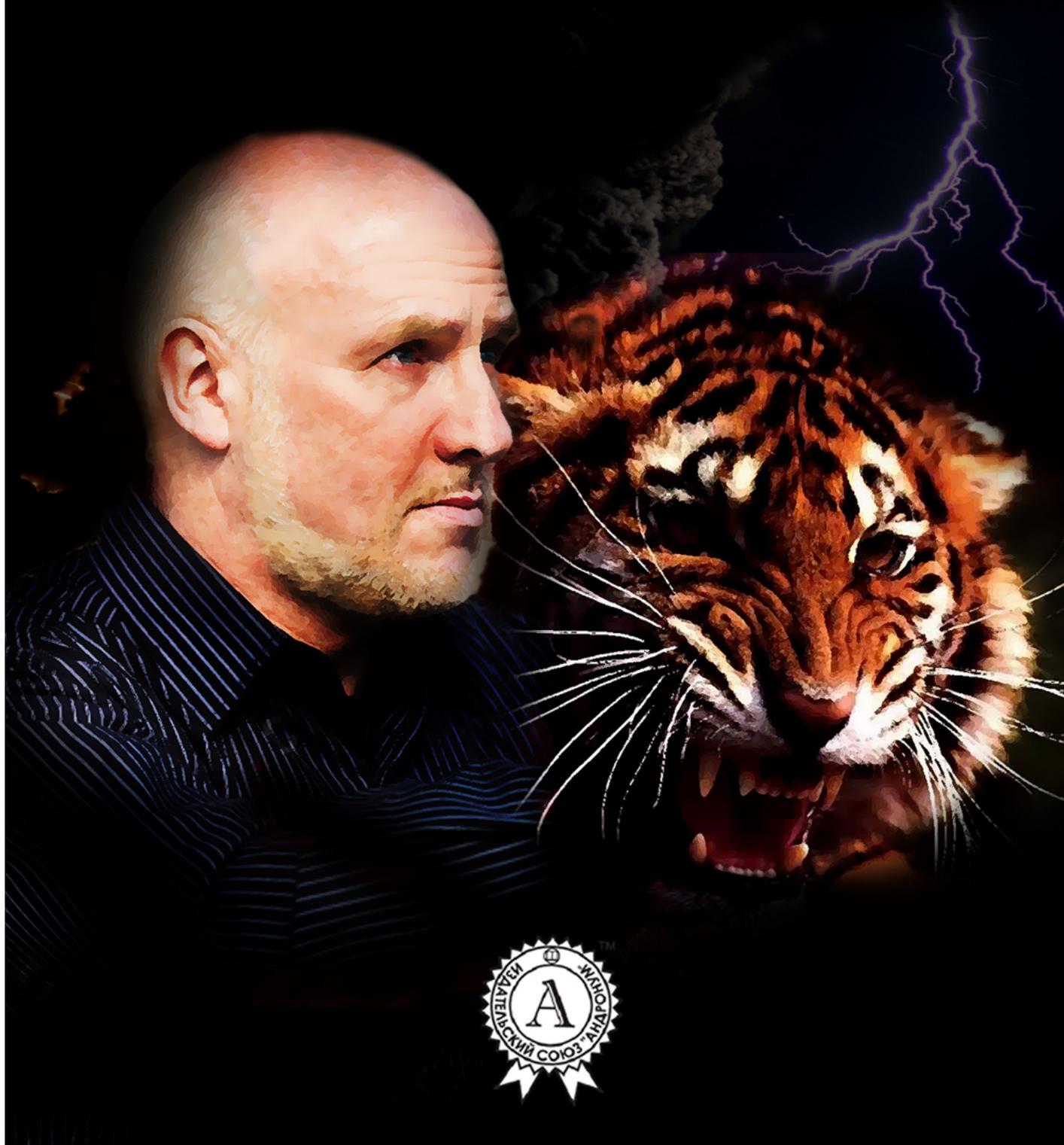

НАТАЛЬЯ ТИМАЧЕВА

ОСВОБОЖДАЮЩИЙ
КРИК

Наталья Тимачева

Освобождающий крик

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тимачева Н. В.

Освобождающий крик / Н. В. Тимачева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Рон Митчелл убил дважды, но он не убийца, действующий по холодному расчету или в маниакальном бреду. К убийству его ведет подсознательная логика, выстроенная на идее не искупленного греха. Рон это чувствует душой, но разум не дает ответа на вопрос, когда, где, как он совершил проступок, превративший его жизнь в ад. С решительным настроем раскрыть тайну своих преступлений Рон обращается за помощью к успешному психиатру Мартину Гиббсу, практикующему в зыбком пограничье духовного и материального миров. Но надежды обоих рушит неудача. Риск нового убийства возрастает с каждым днем. Мартин предлагает неординарный выход — подчинить подсознание Рона другой логике действий в тот момент, когда он должен будет убить. Шанс зыбок, но Мартин уверен в своей гениальности, а Рон в Мартине. Оба не знают о ключевом звене, которое непредсказуемо повернет ситуацию в самый пик ее развития.

© Тимачева Н. В.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Тимачева

Освобождающий крик

Глава 1

Свое первое убийство Рон Митчелл совершил в четырнадцать лет. Арест, допрос, психологи с истязающими вопросами – один очкастый, другой – лупастый, суд, приговор, камера... Прошедшие годы так и не рассеяли туман над событиями того странного дня. Много раз Рон метался в сумрачном облаке воспоминаний, пробиваясь к влекущему просвету истины, но каждый раз его путь к ней обрывался в черном провале памяти.

* * *

Семья Митчеллов жила в маленьком провинциальном городке, несколько улиц которого с одной стороны замыкала церковь, с другой – швейная фабрика. Улицы без названия жители городка различали по присутственным местам. На средней и главной находилось здание городской власти, на улице по одну сторону от главной – пара магазинов, небольшой ресторанчик и прачечная, по другую – школа и пекарня с булочной. Семья Митчеллов в составе супругов Сэмюэля и Лизы и двух сыновей – старшего Рона и младшего Дэна – жила на улице со школой и на неискушенный взгляд представляла собой стандартный образец семейного счастья.

Муж и отец Сэмюэль Митчелл – менеджер среднего звена на фабрике. Он высок, статен и строг от стрижки волос до пуговиц на пиджаке. Взгляд его светлых глаз на волевом лице всегда тверд от уверенности в правильном понимании жизни. Жена и мать Лиза Митчелл – прилежная домохозяйка, тихая, уступчивая, с тугим узлом каштановых волос на затылке и мягким взглядом карих глаз. Оба сына супругов Митчеллов на хорошем счету в школе. Рон, высокий, красивый, светлоглазый и светловолосый, с отличными физическими данными занимается во всех спортивных секциях, на которые хватает светового дня. Он – ударная сила школьной команды во всех соревнованиях по всем видам спорта и вожденная мечта ровесниц. Дэн больше похож на мать: среднего роста, кареглазый, темноволосый, тоже спортивен, но больше увлечен математикой. Дэн запросто решает задачи, которые не по зубам даже зазнайке Кэт.

Правда, парадная скатерть, как водится, скрывает зазубрины и выбоины старого деревянного стола. Изнутри жизнь в семье Митчеллов отличалась от своей благолепной наружности. Отец был слишком строг к детям, а те, словно в отместку, дразнили его своими шалостями. Властный характер Сэмюэля Митчелла уже давно подавил волю Лизы и с методичностью запущенного в работу механизма утрамбовывал неровности и шероховатости характеров Рона и Дэна. Но сыновья оказались неподатливым материалом. Каждое наказание отца только раззадоривало горящий в детях огонь противления. Однако при всей крутости нрава Сэмюэль Митчелл свято придерживался правила наказывать сыновей только за очевидный проступок. Если у разбитой посуды или кошки в индейском раскрасе не был обнаружен ни один из сыновей, никто из них не подвергался наказанию. Рон и Дэн без зазрения совести эксплуатировали эту черту отцовского характера, каждый раз успевая вовремя скрыться с места причинения ущерба хозяйству или стресса домашним питомцам. Лизе оставалось лишь с нарастающей тревогой наблюдать за этим негласным соревнованием между отцом и сыновьями. Ни тот, ни другие не хотели ничего менять в этих криво складывающихся семейных отношениях. Отец – в силу возраста и впитанных за годы жизни убеждений, сыновья – в силу детского недомыслия и природной склонности к озорству.

Дэну было десять, когда он, заметая следы очередной шалости, поскользнулся на лестнице и упал, сильно ударившись головой о пол. Три дня Дэн был без сознания, а когда очнулся, не сумел вымолвить ни слова. Вместо слов изо рта Дэна вылетали лишь гортанные звуки. Врачи успокоили Сэмюеля и Лизу, сославшись на последствия сильнейшего стресса и травмы головы. По их словам, кровоизлияние произошло в месте расположения речевого центра. По мере рассасывания гематомы речь начнет потихоньку восстанавливаться и в итоге возвратится полностью. Но вопреки прогнозам врачей Дэн не заговорил ни через месяц, ни через год, ни через два. Он стал немым. Много раз Рон видел, как Дэн, стоя перед зеркалом, отчаянно кривил рот, пытаясь заставить его произнести слова, которые некогда формировались с такой непостижимой легкостью. Лицо Дэна в такие минуты превращалось в жуткую двигающуюся гримасу. Каждый раз, когда Рону случалось заставить брата за подобными упражнениями перед зеркалом, он спешил уйти, ощущая в душе холодный ужас.

Этот нелепый случай сильно изменил семью Митчеллов. Отец с матерью как-то враз состарились, Дэн с Роном повзрослели. А через два года Рон убил Фила Кренстона – школьного товарища и брата зазнайки Кэт.

Глава 2

– Что, Рон, до скорого или как? – толстый Боб гоготнул, и его необъятный живот затрясся железной дрожью. Это был второй срок Рона. Волей обстоятельств, оба раза именно Боб Эванс принимал вещи Рона перед заключением в камеру и выдавал обратно при освобождении. Оба от юности до зрелости провели в тюрьме, только по разные стороны забора с колючей проволокой. Рон взглянул на Боба хмуро, но без злобы.

– Больше не увидимся, – сурово произнес Рон, перекидывая через плечо сумку. Задержав взгляд на животе Боба, добавил, – смотри, не лопни.

– Я второй день на диете, – неуверенно хохотнул Боб, подняв бутылку кефира, – так тебя не ждать? – моргнул он глазами такими же круглыми, как живот.

– Прощай, Боб.

Дверь за Роном гулко захлопнулась. Тяжело поднявшись, полицейский подошел к окну. «Парень, похоже, не шутит», – подумал Боб, глядя вслед удалявшемуся Рону и почесывая привычным жестом главную тюремную достопримечательность.

Рон ни разу не оглянулся. Сейчас он вышел не только из тюрьмы, он вышел из жизни, в которую не собирался возвращаться. Рон знал, что должен действовать стремительно. У него нет времени на счастливую влажность глаз при созерцании свободного простора. Рон шел очень быстро. Со стороны он казался по горло занятым человеком, день которого расписан по минутам. Никому и в голову не могло прийти, что этот целеустремленнодвигающийся мужчина всего несколько часов назад досчитал свои семнадцать пустых лет тюрьмы.

Поворот, еще поворот. Через десяток минут Рон стоял перед стендом с расписанием движения поездов, еще через несколько минут был на перроне. Сжимая в кармане билет, Рон проходил вагон за вагоном в набирающем скорость поезде. Много, слишком много людей. Он не может рисковать. Все должно идти точно по плану. В последнем вагоне было свободнее. Рон прошел в конец салона и, заняв последнее место у окна спиной к остальным пассажирам, устало закрыл глаза. Пока все хорошо. Он должен успеть...

* * *

Осторожными шагами Рон идет по узкому темному коридору на звучащие впереди нечеткие голоса. Остановившись, он затаил дыхание и прислушался. Голоса переливаются знакомыми интонациями, но Рон никак не может понять, кому они принадлежат. Шаг, еще шаг. Дверь, очерченная по периметру внутренним светом, становится все ближе и ближе. За ней по-прежнему звучат голоса. Они говорят о чем-то важном для Рона, и он должен это узнать! Рон подходит ближе, но голоса не становятся громче! Рон уже под дверью, он прижимается к ней всем телом, но голоса звучат все так же неразборчиво тихо. Рон берет за ручку и рывком дергает дверь, но она заперта изнутри. Он не может ее открыть! Еще, еще раз. Дверь подобно неподдающейся глыбе не пускает Рона на сторону тайны звучащих голосов. Нет, он не сдастся. Он откроет эту чертову дверь! Он дергает ручку двумя руками. Он упирается ногами в стену и снова дергает. Еще рывок, еще сильнее. Ручка двери отрывается, и Рон кубарем отлетает назад в черную пустоту коридора...

Рон медленно открыл глаза. Стена поезда покачивалась и подрагивала. За окном спокойно угасал день. Рон снова сомкнул веки. Он уже давно не боялся этого сна. Страх ушел, когда однажды проснувшись среди ночи он вдруг понял, что за этой дверью – надежда на спасение его проклятой души. Станный сон приснился Рону через несколько месяцев после убийства Фила Кренстона. Тогда к дверной ручке тянулась тонкая рука подростка. Затем он

пытался открыть дверь рукой юноши, и вот уже почти двадцать лет дверь не поддается руке взрослого мужчины. Во сне Рон всегда находился в том же возрасте, что и наяву. Именно эта особенность сна не давала Рону отчаяться в его надежде на спасение. Вот и сейчас Рон подумал о том же, о чем каждый раз думал после пробуждения – его время еще не пришло. Может, он должен повзрослеть еще на пару лет или теперь уже состариться?

Почувствовав около себя движение, Рон приоткрыл глаза и скосил взгляд. Большой грузный мужчина, видимо, принял окончательное решение занять свободное рядом с Роном место. Поскрипывая то ли новыми ботинками, то ли старыми костями, он аккуратно составил в ряд у стены свои котомки и грузно приземлился рядом. Рон продолжал наблюдать за соседом. На дряблом лице мужчины в такт ритмичным колебаниям вагона подрагивал волосок на крупной бородавке, броско выступающей на левой щеке. «Особая примета», – машинально отметил про себя Рон. За бородавкой взгляд Рона зацепили большие руки в рытвинах глубоких морщин. На толстых пальцах выделялись жесткие желтые ногти. Скорее всего, это руки фермера, знавшего много праведного труда. Мысль о том, какую жизнь прожил этот человек, соскользнула со взгляда Рона в канал морщинки и заскользила во времени в направлении, обратном ходу поезда и течению дня.

Рон легко представил своего попутчика без груза тяжелых сумок и прожитых лет. С детства его жизнь уложилась в правильные рамки, отсекающие любые излишества. Из детства с умеренной избалованностью он перешел в школьный возраст, став учеником средней степени прилежности. Эмоциональный накал подросткового взросления не превысил предельной шкалы и к положенному сроку спал до состояния психической устойчивости. После школы прямой дорогой он отправился в сельскохозяйственный колледж, после которого по ней же вернулся домой. В итоге вырос благодарный сын без тени сомнения в своем предназначении – продолжать отцовское дело. Вот отец и сын на поле – осматривают молодые всходы, вот в коровнике – оба довольны надоями молока, вместе на грузовике – везут урожай на ярмарку. Все в жизни этого человека происходило с предсказуемостью чисел в календаре: женитьба, первенец, новый трактор, второй сын, первая дочь, кредит на покупку голландской коровы. В положенное время он принял от отца ферму и управление семейным бизнесом. В работе от зари до зари бежали годы и вот он – заветный день! Вместе с отцом на весеннее поле вышел старший сын...

Рон резко зажмурил глаза, словно по ним полоснул яркий луч солнца. Нет, больше об этом думать нельзя, слишком опасно. Открыв глаза, Рон устремил взгляд в окно. Приметы ландшафта прочили приближение станции. Сосед по скамье протяжно зевнул и поерзал затекшими частями тела, заставив Рона вновь повернуть голову. Старик продолжал дремать с выражением лица человека, наконец-то присевшего отдохнуть. Сидеть – слово-кошмар для Рона – для его попутчика не означало ничего, кроме отдыха. Они сидели так близко, что ощущали исходящее друг от друга тепло, и только Рон знал, как теплое безразличие может внезапно остыть до безжалостной ярости. Мысли о жизни случайного попутчика снова навязчиво полезли в голову. Рон отчетливо осознавал, что в действительности он думает не о сидящем рядом старике, а о себе, о том, как могла бы сложиться его жизнь, какой могла быть его семья, и что он в этом поезде мог бы ехать совсем с другой целью. Интересно, сумел бы он стать фермером? Рон представил себя в синем комбинезоне на тракторе посередине поля переливающейся пшеницы. На левую щеку настойчиво лезла большая волосатая бородавка...

Попутчик Рона шумно вздохнул, с упором на колени тяжело поднялся. Собрав сумки, старик, не взглянув на Рона, вышел из вагона в тамбур. Поезд дрогнул и остановился, вызвав у встречающих на перроне оживленную артикуляцию и жестикуляцию. Глядя в окно, Рон с нетерпением ждал появления фермера, не зная, чего ему хочется больше – подтверждения или опровержения вымышленной для него судьбы. Как только старик вышел из поезда, из толпы встречающих отделился среднего возраста мужчина. Из-за его спины выпрыгнула девчонка

лет шести, вдогонку за ней мальчишка-подросток. Крупная бородавка на щеке мужчины не оставляла сомнений в прямом родстве. Пока старшие обнимались и перецеловывались, внучка, обнаружив в одной из сумок конфетно-шоколадное содержимое, немедленно приступила к его извлечению. Дед с шутиливой укоризной то и дело останавливал ее проворные руки, добавляя внучке радостного восторга. Большой желтый бант на ее голове весело трясся, накатывая на Рона волну тяжелого воспоминания. Разбудораженная душа не успела сгруппироваться, чтобы отвести опасный удар. Красками свежих эмоций предательская память мгновенно отреставрировала потускневшую от времени картину рокового дня...

Глава 3

– Рон, ты идешь?

Высокий, весь в рыжих веснушках, Пол нетерпеливо трепал лямки рюкзака.

– Сейчас, – буркнул Рон.

Вечно этот Пол торопится. Человек-шарнир, всегда у него руки-ноги ходуном. Ему бы рэп читать. Ворча про себя на Пола, Рон заталкивал в рюкзак волейбольный мяч. Вчера «Скорпионы» предложили матч-реванш «Скарабеем», в команде которых Рон был лучшим подающим. Обычно такие матчи вызывали у Рона прилив самодовольства и гордости. Они хорошо подпитывали еще свеженькие восторги девчонок, продлевая славу его новых побед и украшая имя завидными прозвищами. Из многих образных сравнений «Разящая рука» льстила Рону больше других. Эта звучная добавка к имени вернее прочих отражала его внутреннюю суть – бескомпромиссную целеустремленность, редкое упрямство и решительность. Рону прочили блестящую спортивную карьеру, и он раз за разом подтверждал справедливость ожиданий громкими успехами.

Но сегодня Рон был не в своей тарелке и сам не понимал, почему. Тревога точила его душу без очевидной причины. Рону не хотелось участвовать в игре, но собственное тщеславие и обязательство перед командой глушили тревожное беспокойство.

– Наконец-то, – выдохнул возмущенно Пол, когда Рон застегнул молнию рюкзака и направился к выходу.

На волейбольной площадке настроение Рона изменилось. Приветственный визг девчонок и полные тайного знания взгляды товарищей по команде отвлекли Рона от смутных предощущений. Преимущество «Скарабеев» было неоспоримым. Мощная подача «Разящей руки» каждый раз сообщала мячу скорость, которая не оставляла противоположной стороне времени для его перехвата. Гулко ударяясь о землю, мяч отсчитывал очки в пользу «Скарабеев».

На противоположной от сетки стороне Фил Кренстон из параллельного класса весь в поту изнеможения, бесполезно топчась на месте, ждал спасительного свистка арбитра. Больше он никогда не согласится стать подменной в команде своего друга Риккардо Беруччи. Ничего себе, стой и отбивай иногда мяч! У Фила уже дважды подбит глаз, болит от неудачного падения левая рука и рвутся нервы. Когда же этот дылда в белых трусах засвистит? Ну, погоди Риккардо, тебя тоже будет ждать интересное предложение. Удар мячом по голове заставил Фила отвлечься от сладких мыслей о мести. Пока он, тарача глаза, силился в себя вернуться, судья просигналил весть о спасении.

Широко расставив ноги, с полотенцем на шее Рон сидел на скамье запасных. Разгром «Скорпионов» – теперь дело времени второго тайма. Рон великодушно предоставил возможность сорвать аплодисменты товарищам по команде. Его вклад в неминуемую победу и так очевиден. У «Скорпионов» на скамье запасных сидел весь красный Фил Кренстон. Рон усмехнулся. И они еще на что-то надеялись?! Вместе с этим бочонком Филом им всем место в цирке, а не на волейбольной площадке. Умеет Риккардо подобрать провальную команду! Рон, прищурив глаза, рассматривал Фила. Полный, неповоротливый, с сочным вторым подбородком, тугим животом, весь в подтеках от пота он был смешон в спортивных трусах и майке. И как этот пузырь еще выдержал один тайм и не сдулся! В полном расслаблении души и тела Рон продолжал наблюдать за Филом. Чуть отдышавшись, тот принялся рыться в сваленных в кучу рюкзаках, вытаскивая что-то из одного и перекладывая в другой. Наконец Фил успокоился неизвестно откуда извлеченной толстой плюшкой.

Визг, крики и аплодисменты, означающие победный финал «Скарабеев», не отвлекли Рона от его наблюдений. Машинально реагируя на рукопожатия и одобрителное хлопанье по спине, между мельканием тел довольных «Скарабеев» Рон ловил ситуацию на стороне проиг-

равшей команды. Страсти там явно накалялись. Рэд Петерс и Пит Джекобсон- два сильных «Скорпиона», похоже, собирались сорвать досаду за проигрыш друг на друге. Слабые попытки усталого и расстроенного Риккардо уладить дело миром закончились для него крепким ударом в плечо. Махнув рукой, Риккардо пошел прочь, разговаривая сам с собой и по-итальянски энергично жестикулируя руками. Между тем более крепкий и мускулистый Рэд теснил Пита, чем-то тыча тому в нос. Пит отступал, неловко уворачиваясь от все более настойчивой руки Рэда. Рон медленно поднялся. Его изменившийся взгляд застыл на ножницах, лежавших поверх бумаг на судейском столе...

Глава 4

– Рон, что ты делаешь?

Крик пронзительной высоты прожег Рону голову, воспламенив тлевшую где-то в глубине тяжелую массу боли. Расширяясь жаром в объеме, боль раздвигала виски, давила в затылок, в лоб, становясь все более и более невыносимой и, наконец, достигнув максимума, ударила обжигающим потоком по глазам и отпустила.

Рон с усилием разъединил спекшиеся веки и расслабил мышцы лица, сжатые в морщинистый комок. Медленно поведя вокруг взглядом, он понял, что произошло что-то странное, но не мог даже предположить, до какой степени это странное было страшным.

В глубокой тишине, вибрирующей высоким напряжением, на Рона смотрели десятки пар глаз. Застывший в них ужас медленно оплавлялся недоумением, непониманием, неверием, несогласием со случившимся. Наконец Рон почувствовал, что снова способен воспринимать мир вокруг себя. Его первый осмысленный взгляд точно упал на Фила Кренстона, лежавшего от него в нескольких шагах. Глаза Фила остекленело смотрели вверх, из открытого рта иссыхающей струйкой сочилась кровь, кровавое пятно на желтой футболке обрамилось темно-багряным кантом. Вытекающий из-под спины Фила кровавой ручеек образовал густую лужицу, едва не касающуюся ног Рона. Рон медленно повел взгляд от своих кроссовок вверх по голени, спортивным трусам, футболке – от одного кровавого пятна к другому. Страшная догадка молнией метнулась к сжатой руке. Глухой звук от удара выпавших из руки Рона ножниц в оцепенелой тишине прозвучал ударом грома. Заплакала Кэт. В руках Пита Джекобсона откуда-то появилась бейсбольная бита. Он судорожно перекидывал ее из руки в руку, все время оглядываясь по сторонам. Девчонки сбивались в стайки. Все словно готовились к продолжению трагедии, и только Рон знал, что продолжения не будет. Он стоял, устремив глаза в землю где-то рядом с Филом, и ждал, ждал, ждал... приезда полиции. Сейчас Рон хотел только одного – сойти с этого места. Нарастающий вой полицейской сирены звучал для него музыкой освобождения...

* * *

Предупредительно свистнув, поезд тронулся, вернув Рона в настоящее. На перроне не было ни желтого банта, ни двух больших бородавок. Успокоительная пустота разлилась по телу Рона, позволив обвиснуть натянутым нервам. Рон слушал стук колес, отсчитывающих путь пройденными рельсами. Свою дорогу жизни Рон отсчитывал годами тюрьмы. За убийство Фила Кренстона Рона осудили на десять лет. Из них два года он провел в психиатрической лечебнице. В нее он попал после душевного истязания двумя сумасшедшими, по твердому убеждению Рона, психиатрами из полицейского управления штата. Именно туда перевезли Рона через несколько дней после ареста. Одного он прозвал лупастым, другого – очкастым. Оба были невысоки ростом. Но если лупастый был похож на снеговика своей круглой лысеющей головой с выкатанными глазами, круглым туловищем, короткими ногами в вечно мятых широких штанах, то очкастый, напротив, был тонок, щупл, с редкими волосами на голове, нервным лицом с длинным носом, на котором каким-то чудом удерживались непропорционально большие очки с толстыми линзами. Когда он их снимал, его глаза настолько резко уменьшались в размерах, что возникало впечатление диспропорции лица. Очкастый неизменно пребывал в с жилетке и рубашке с глубоко расстегнутым воротом. Лупастый и очкастый до кожного покраснения, до испарин на лысых лбах, до нервного тика у лупастого и отвратительной пузырчатой слюны на губах очкастого требовали Рона признаться в том, чего он не знал. Они поставляли

ему один мотив преступления за другим, настойчиво требуя согласия с наличием в его дрянной душонке хоть какого-нибудь из них. Они отказывались верить правде Рона, которая состояла в том, что он не знал, почему убил Фила Кренстона и не помнил, как его убил.

После общения с лупастым и очкастым Рон плотно закрыл свой чувственный мир от всех душеисследователей, периодически возникавших в его жизни. В их бесцветной череде выделялся лишь доктор Трамм из центральной психиатрической лечебницы штата. Это был пожилой мужчина увесистой фигуры и обманчиво добродушным лицом. В профессии врача доктор Трамм ревностно служил самому себе. Любое исследование он производил не во благо пациента, а ради собственных устремлений. Одержимый идеей научного открытия и следующего за ним мирового признания, Трамм превратил себя в механизм, отлажено работающий на достижение заданной цели. Пациенты были для доктора Трамма лишь средством карьерного роста, подлежащим немедленной замене в случае необеспечения расчетной скорости движения. Как ни парадоксально, но именно жесткая и жестокая расчетливость доктора Трамма сыграла в жизни Рона положительную роль.

Из странного подростка, совершившего неординарное убийство, честолюбивый врач надеялся быстро соорудить пружинистый трамплин, который с легкого толчка забросит его на большие высоты признания, наград и премий. Обостренным восприятием Рон легко уловил это отношение доктора к себе и подыгрывал ему, насколько хватало его еще детской сообразительности. Привилегия быть испытуемым самого Трамма обеспечила Рона отдельной палатой и специальным режимом содержания. Рон жил в клинике вне общего распорядка. Отсутствие лишних глаз позволяло ему имитировать прием лекарств, от которых он избавлялся, как только представлялась возможность. Умело используя словоохотливое сочувствие двух пожилых медсестер, Рон чаще всего правильно угадывал надлежащее поведение. Он демонстрировал послушную готовность к излечению великим Траммом, понимая и принимая израненной душой бессмысленность его усилий.

С момента осознания совершенного убийства Рон чувствовал, что причина чудовищного поступка скрывается не в болезни его рассудка, а в виноватости его души, и состоит не в мотиве, а в грехе. Но Рон не помнил за собой непокаянного греха. Много раз он вспоминал свою жизнь по годам, дням, часам, минутам, но не находил в этих воспоминаниях проступка, ставшего его грехопадением в ад. Душа, оскорбленная неосознанной сразу виной, вывела это знание на уровень недостижимой тайны, черной дыры, безвозвратно поглотившей свет истины.

Больше двух лет Рон водил Трамма за нос, пока того, наконец, не постигло разочарование. Рон не мог знать, какого итога ждал от него доктор и потому не мог его сыграть, как играл результаты лечебных процедур. Осторожно экспериментируя с вариантами своего поведения, Рон пытался уловить одобрение или разочарование в глазах врача, но они всегда оставались бесстрастны.

Таковыми же равнодушными они были в тот день, когда Трамм согласно своим принципам заменил не оправдавшего надежд Рона на многообещающего Джона Шварца. Новый подопытный доктора потравил за пять лет супружества с Риной Шварц ее саму, ее сестру, собственного ребенка и приходящую домработницу. Любящий муж, отец, деверь и приветливый работодатель в порядке очередности подмешивал яд в пищу своим жертвам, каждый раз безутешно печалась об их безвременной кончине. В отличие от Рона, у Джона Шварца ярко наличествовали признаки шизоидно-маниакального поведения, и доктор Трамм, решив, что синица в руках лучше журавля в небе, без тени сожаления выдворил Рона Митчелла из лечебницы в тюрьму с заключением о невыявленных психических отклонениях.

Двухлетняя отсрочка от тюремной камеры значила для Рона очень много. За это время он повзрослел, окреп, и, главное, успел подготовить душу к долгой пытке неволей, заледенив ее до бесчувственности. В тюрьме Рон не стал ни своим, ни чужим. Высокий, хорошо сложенный, с натренированными мускулами, с красивыми чертами лица и ясными умными глазами, Рон

никак не входил в образ ограниченного убийцы, прирезавшего среди бела дня школьного товарища. Это броское несоответствие вместе с преувеличенными слухами о смертоносной ненормальности парня образовало между ним и сокамерниками дистанцию отчуждения, которая с течением времени только возрастала. В молчаливой отстраненности от окружающей жизни Рон провел восемь тюремных лет.

Глава 5

Суетливое оживление в вагоне вернуло Рона в текущий день. Уставшие от неподвижности пассажиры охотно поднимались с мест, заранее готовясь к выходу. Рон почувствовал нарастание сердечного ритма. Он знал, что теперь не справится с этим волнением, и отпустил его разливаться по телу пульсирующей кровью. В обратной пропорции затихающему ходу поезда нарастал шум в вагоне и сила ударов сердца Рона. Знакомый перрон, чуть проплыв мимо, замер. Рон поднялся. Секундное сомнение растаяло случайным облачком в знойном небе. Рон решительно шагнул к выходу. Он не отступит от цели.

Выйдя из вагона, Рон остановился на перроне и оглянулся по сторонам. Огромные часы на здании вокзала на старом месте и в прежнем виде – циферблат белый, стрелки черные. Небольшой магазинчик все там же, только в новом фасаде. Привычно рядом кафе с летней площадкой, только теперь она вся в цветах и с зонтиками. Рон глубоко вдохнул. И все-таки он особенный – воздух родины. Только в нем есть невыразимый вкус, необъяснимая сладость, неизъяснимая мягкость. Ты не дышишь этим воздухом, ты его пьешь, насыщая себя оставленными здесь, но не исчезнувшими чувствами.

Тело Рона наполнялось умиротворяющим спокойствием. С этого перрона каждое лето они уезжали в гости к тете Поле и дяде Гордону в Даллас. Пока папа оформлял билеты, мама держала сыновей за руки так крепко, что у них немели пальцы. Она навязчиво боялась, что вихрь от проходящего поезда увлечет ее детей на рельсы. В общем-то так и случилось. С ним. Поезд судьбы много лет тащит его за собой, засосав однажды в свою вихревую воронку. Лишь крутой поворот может дать Рону шанс преодолеть силу этого убийственного круговорота, и он должен быть к нему готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.